

МИХАИЛ ВАСЬКОВ

**ГРИГОРИЙ НЕЛЮБОВ:
ОН БЫЛ ДУБЛЕРОМ ГАГАРИНА**

**(драма советского Икара –
историческое расследование)**

Михаил Юрьевич Васьков Григорий Нелюбов. Он был дублером Гагарина. Драма советского Икара – историческое расследование

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74332031

*Григорий Нелюбов: Он был дублером Гагарина (драма советского
Икара – историческое расследование): У Никитских ворот; Москва;*

2026

ISBN 978-5-00246-599-6

Аннотация

Летчик-истребитель и космонавт первого отряда Григорий Нелюбов прожил прекрасную, достойную и яркую жизнь. Но вместе с тем – обидно короткую и глубоко трагичную. Высшей точкой его жизненного пути было назначение вторым дублером космического первопроходца Гагарина. Его уважали академики Королев и Келдыш. Академик Раушенбах предлагал на первый полет именно его кандидатуру. Как прекрасным летчиком и разносторонне одаренным человеком им восхищались заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Галлай и первый начальник ЦПК Карпов. Его называли своим

другом космонавты Гагарин, Попович, Николаев и Терешкова. А организатор и фактический руководитель программы подготовки первых советских космонавтов, заместитель Главкома ВВС по космосу генерал-полковник авиации (к слову, один из семерки первых Героев Советского Союза, спасителей челюскинцев!) Каманин говорил о нем как об «эталоне космонавта».

Но при всех отменных данных, отобранный строгими лётноврачебными комиссиями в тройку (!) главных кандидатов на первый космический полет, бывший вместе с Титовым дублером Гагарина, в космос он так и не полетел. Более того, по нелепейшей случайности два года спустя после исторического витка «Востока» был отчислен из отряда космонавтов, а еще спустя три года трагически погиб...

Долгое время по самым разным причинам – от секретности подготовки первых покорителей космоса до совокупности не совсем «удобных» обстоятельств его ухода из отряда и жизни – имя этого человека старательно вымаривалось блюстителями секретов и нравственности из истории отечественной космонавтики, а его изображения на фотографиях подготовки космонавтов и групповых снимках тщательно ретушировались. Настало время расчистить завалы клеветы, вымыслов и домыслов, полностью реабилитировать имя этого замечательного человека и рассказать всю правду о нем.

Содержание

Предисловие автора	8
Глава I	15
Глава II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Юрьевич Васьков
Григорий Нелюбов
Он был дублером Гагарина
(Драма советского
Икара – историческое
расследование)

© М.Ю. Васьков, 2026

* * *

Пусть эта маленькая книга станет данью памяти и уважения ко второму гагаринскому дублеру – Григорию Нелюбову, ко всем нашим первым космонавтам – как увидевшим Землю из иллюминаторов своих космических кораблей, так и не полетевшим к звездам и оставшимся навеки на пороге космоса... Ко всем нашим ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим, медикам, биологам, военным и другим профессионалам, вообще – всем советским людям, участвовавшим в работе над первыми отечественными космическими программами, в том числе и членам моей семьи.

Так вышло, что почти все они в разные периоды своей жизни имели отношение к космосу: дед работал инженером в Подлипках и даже получил в 1961 году после полета Гагарина орден «Знак Почета» в числе большой группы специалистов, отец какое-то время трудился в ГНИИИ авиационной и космической медицины, а мама – на ОКБ–124 (НПО «Наука»), тетя – в КБ «Салют», кузен (уже в постсоветское время) организовывал работу и финансирование издательского дома «Авиация и космонавтика».

С детства приходилось слышать разговоры взрослых о космосе. Помню, как они обсуждали успехи советской космонавтики – первый выход в открытый космос, первую стыковку, первую орбитальную станцию, луноход. Помню, как горевали о гибели Комарова, Гагарина, Добровольского, Волкова и Пацаева... Сколь себя помню, всегда читал книги на «космические темы», и родственникам не приходилось ломать голову, что дарить на дни рождения и праздники. Подростком мог уже вполне «профессионально» обсуждать актуальные новости космонавтики, и даже читал лекции сверстникам в школе, доме пионеров и пионерском лагере про программы «Салют», «Союз-Аполлон»! Став взрослым, довелось также приобщиться немного «космических даров» – в качестве члена экспедиции участвовал в рейсах научно-исследовательского судна Особой флотилии обеспечения дальней космической связи «Космонавт Георгий Добровольский», а затем, в промежутке между армейскими

и правоохранительными погонами, работая на телеканале РТР, освещал авиационную и космическую тематику. В основу данного мини-исследования легли записи тех, далеких уже от нас лет, воспоминания от бесед и общения с первыми космонавтами. Книга эта не могла не состояться.

Предисловие автора

Из плеяды первых

Шестидесятые годы... Удивительное время, вместившее в себя столько великих, масштабных, прорывных, сколько и драматических, и трагических событий в истории человечества. В том числе это и эпоха первых пилотируемых космических полетов, в которых тоже хватало и побед, и трагедий. Первое десятилетие международная космонавтика развивалась поистине космическими темпами. Вслед за Советским Союзом человека в космос запустили американцы, которые устроили с СССР самую настоящую Space Race – космическую гонку. Первый групповой полет космических кораблей, первая женщина на орбите, первая стыковка, первый выход человека в открытый космос, первая космическая орбитальная станция – остались за нашей страной.

В СССР было только две категории профессионалов, которых знали не только по именам и фамилиям, но и в лицо. Их, покорителей доселе неизведанных вершин, бесспорных лидеров общественного мнения и ярких примеров для подражания, буквально боготворили, считая их настоящими героями и сверхчеловеками. Это наши космонавты и... хоккеисты, именно в первую космическую десятилетку выдавшие совершенно потрясающую победную серию на девяти чем-

пионатах и двух олимпиадах.

...США, отвечавшие на каждый наш запуск космического аппарата четырьмя своими, в конце концов с лихвой компенсировали советские рекорды в космосе первой высадкой астронавтов на Луну, с оговоркой, конечно, если вся их «лунная история» не блеф и не фейк, как всё чаще стали утверждать конспирологи. За десять лет после полета Гагарина орбитальные запуски собственных космических аппаратов, помимо СССР и США, осуществили также Франция, Италия, Япония, КНР и Великобритания.

После «прогулки» Армстронга по Луне казалось, что освоение не только этого спутника Земли, но и Марса – это лишь вопрос времени, максимум двух-трех десятилетий. Ну а уж через полвека-то межпланетные полеты внутри Солнечной системы станут реальностью. На Луну будем летать, мол, «по профсоюзным путевкам». А «профессиональная» космонавтика, де, переориентируется на межзвездные полеты. Вот так – ни больше, ни меньше.

Увы, даже сегодня космические корабли США, РФ и КНР, а также т. н. «международная» и недавно сведенная с орбиты китайская орбитальные станции не достигали апогея выше 300 км. Как образно сказал когда-то «отец космонавтики» К.Э. Циолковский, человечество пока продолжает «жить в своей колыбели».

Земные заботы заставили людей на ближайшую и среднесрочную перспективу забыть об освоении не только даль-

него, но и ближнего космоса. А посему «Братство Великого Кольца», «Мир полудня» и прочие мечтания советских фантастов, скорее всего, так и останутся мечтаниями.

Однако сами космические полеты шесть с лишним десятилетий спустя после исторического витка Гагарина все-таки стали обыденностью. Сегодня люди уже давно не только не празднуют успешные запуски и возвращения астронавтов и космонавтов, но даже просто не знают фамилии тех, «кто над нами вверх ногами»...

Поэтому, прежде чем начать эту книгу, не раз и не два задумывался: а будет ли в нашем настоящем кому-то интересно читать о делах «давно минувших дней», будут ли востребованы рассказы, мнения, суждения, переживания и сомнения шестидесятилетней-семидесятилетней давности, воспоминания очевидцев тех далеких событий, их поздних комментаторов? Ведь сегодня наши мальчишки давно не грезят небом и космосом, не мечтают стать летчиками или космонавтами, предпочитая этой профессии сугубо земные карьеры чиновника, финансиста или блогера. Да и само поступательное движение вперед отечественной космонавтики, как полагают немало ветеранов отрасли, закончилось еще с затоплением (фактически – по требованию заокеанских «партнеров») орбитальной станции «Мир». Грустным подтверждением существенного отставания от мировых конкурентов явилась недавняя неудачная попытка даже с помощью повальной цифровизации и компьютеризации посадить

впервые с 1976 года (!!!) аппарат на поверхность Луны...

И вдруг неожиданно понял – да, будут! Это же всё наша история! Как метко назвал кто-то – «время первых», ведь всё тогда было «впервые и вновь». И мы справедливо и по праву были этими первыми, и наше лидерство в космосе являлось неоспоримым фактом. Наш сегодняшний рассказ об одном из представителей «времени первых», который мог стать вообще самым первым человеком в космосе, и его имя осталось бы в веках, а биография была бы общеизвестна и изучена публицистами, писателями и журналистами под микроскопом.

Он прожил прекрасную, достойную и очень яркую, но вместе с тем обидно короткую и глубоко трагичную жизнь. Высшей точкой его жизненного пути было назначение вторым дублером первого космонавта планеты Юрия Гагарина. Его уважали академики Сергей Королев и Мстислав Келдыш. Академик Борис Раушенбах предлагал на первый полет именно его кандидатуру. Как прекрасным летчиком и разносторонне одаренным человеком им восхищались заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Марк Галлай и первый начальник Центра подготовки Евгений Карпов. Его называли своим другом космонавты Юрий Гагарин, Павел Попович, Андриян Николаев и Валентина Терешкова. А организатор и фактический руководитель программы подготовки первых советских космонавтов, заместитель Главкома ВВС по космосу генерал-полковник

авиации (к слову, один из семерки первых Героев Советского Союза, спасителей челюскинцев!) Николай Каманин говорил о нем как об «эталоне космонавта».

Но при всех отменных данных, отобранный строгими летно-врачебными комиссиями в тройку (!) главных кандидатов на первый космический полет, бывший вместе с Титовым дублером Гагарина, в космос он так и не полетел. Более того, по нелепейшей случайности через два года после исторического витка «Востока» был отчислен из отряда космонавтов, а еще спустя три года трагически погиб...

Долгое время по самым разным причинам – от секретности подготовки первых покорителей космоса до совокупности не совсем «удобных» обстоятельств его ухода из отряда и жизни – имя этого человека старательно вымаривалось блюстителями секретов и нравственности из истории отечественной космонавтики, а его изображения на фотографиях подготовки космонавтов и групповых снимках тщательно ретушировались...

Только десятилетие спустя о нем, не называя, Впрочем, фамилии, упомянул в своих мемуарах последний слетавший в космос из «гагаринского» набора – Георгий Шонин. (Из шонинских воспоминаний читатели впервые узнали, что, оказывается, далеко не все из первого отряда космонавтов полетели к звездам, были и отчисленные). Еще через десятилетие в своей книге «Космонавт № 1» фамилию второго гагаринского дублера впервые открыто назвал наш самый глав-

ный «космический писатель и журналист» советского периода Ярослав Голованов.

Он даже хотел написать отдельное исследование обо всех не слетавших членах первого отряда космонавтов, но не смог преодолеть цензурные барьеры, не найдя понимания у высокого начальства, хотя «дошел» аж до самого начальника Генштаба Сергея Ахромеева. «А чего о них писать? – якобы поставил крест на инициативе Голованова маршал. – Они же не летали!»

Но и в девяностые годы, когда многие цензурные ограничения касательно космоса были упразднены, имя второго гагаринского дублера еще не получило широкую известность. Слишком мало было известно об этом человеке. Не нашлось места главке о нем даже в брошюрке «О тех, кто не вышел на орбиты» туляка Вадима Молчанова. (А этот исследователь, казалось, знал абсолютно всё про таких людей – наших и американцев!) И только еще спустя десятилетие имя второго гагаринского дублера стало упоминаться в прессе, о его драматичной судьбе в нулевые Роскомос снял короткий документальный фильм, а в городе его детства – Запорожье на школе, где он учился, установили-таки памятную доску, и местные исследователи издали книгу воспоминаний о нем земляков (правда, настолько малым тиражом, что она сразу же стала библиографической редкостью, упоминания о которой редко встретить даже в интернете).

Затем – снова забвение... Появляющиеся же время от

времени в сети заметки об этом, так и не увидевшем немигающих звезд на орбите, летчике, в основном, делают акцент на одном и том же – инциденте, приведшем к его отчислению из отряда, или гибели под колесами поезда. При этом даже упоминания в официальных интернет-справочниках изобилуют неточностями и искажениями, начиная от даты и места рождения до обстоятельств его трагического ухода.

Имя этого мужественного, незаурядного человека, военно-морского летчика, пилота истребительной авиации, в числе первых освоивших новый тогда самолет МиГ–21, члена первого отряда советских космонавтов, второго гагаринского дублера – Григорий Григорьевич Нелюбов. Настало время неторопливо рассказать о нем, попробовать объективно во всем разобраться и устранить накопившиеся неточности и искажения, небылицы и домыслы, а в чем-то даже и приподнять завесу секретности более чем полувековой давности, и нарисовать портрет героя этой книги на фоне тогдашней эпохи.

Так сложилась судьба, так решили:

Без него за пределы Земли,

Утопая в заоблачной шире,

С Байконура ушли корабли.

*(Екатерина Зеленская, эпитафия на памятнике Г.Г Нелюбову
в селе Кремово, Михайловского района Приморского края)*

Глава I

Апрельские «ландыши»

...В канун 50-летия Великой Победы одной из главных, выражаясь по-современному, площадок для празднования Дня космонавтики стал Центральный дом авиации и космонавтики ДОСААФ имени М.В. Фрунзе близ разогнанной в годы сердюковской «оптимизации» Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, где был организован знатный по тем временам прием...

Тогдашний директор ЦДАиК генерал-майор авиации Петр Федорович Вяликов в «лихие девяностые» не только сохранивший, но фактически возродивший этот замечательный музей, в честь Международного Дня авиации и космонавтики в старинном кекушевском особняке в Петровском парке (к слову, до революции там располагался знаменитый ресторан с самым, что ни на есть космическим названием – «Аполло»!) собрал довольно внушительную аудиторию.

В числе гостей были ветераны (в те непростые годы умища Петр Федорович умел находить спонсоров среди любящих небо и звезды предпринимателей и при каждом удобном случае натуральным образом «подкармливал» столкнувшихся с «дебряформами» стариков-отставников, гордость и славу нашей авиации и космонавтики), летчики,

космонавты, работники предприятий отрасли, представители авиационной общественности, духовенства, журналисты, освещавшие авиакосмическую тематику.

Как всегда, блистал искрометным юмором бывший «правдист» Алексей Иванович Горохов, в ту пору главный редактор возрожденного журнала «Вестник воздушного флота». Поясим: «лучший министр обороны всех времен» тогда как раз прекратил, наряду с изданиями других родов и видов Вооруженных Сил, финансирование отраслевого органа ВВС «Авиация и космонавтика», и энтузиасты-бизнесмены, в частности, мой кузен Сергей Александрович Захаров, продолжили его выпуск под предыдущим названием, так сказать, на общественных началах.

Как всегда, всё происходящее на широкоформатный «Кодак» снимал, как его звали друзья, «Летающий фотограф» – Сергей Александрович Скрынников, буквально живший небом и фотографией, неоднократный лауреат всевозможных конкурсов и фотовыставок на авиационную тему. (Через несколько лет он и уйдет навсегда в небо. Ан-140, на котором Сережа направится в Иран с высокопоставленной делегацией украинских и российских авиафирм, столкнется с горой близ города Исфахана...)

Пожаловало и высокое воинское начальство – командующий фронтовой авиацией генерал-полковник авиации Николай Тимофеевич Антошкин, командование воздушных армий. Заглянул на четверть часа и сам Главком – генерал

армии Петр Степанович Дейнекин, изыскавший «окошко» в своем плотном графике.

Среди космонавтов, узнаваемых в лицо, на приеме, помню, были Светлана Евгеньевна Савицкая (вторая женщина в космосе), космонавт № 2 Герман Степанович Титов, член первого, гагаринского, набора Виктор Васильевич Горбатко, летчик-космонавт и ветеран Великой Отечественной войны Георгий Тимофеевич Береговой, а также, если не подводит память, Гречко.

После небольшой торжественной части и обязательных по этому поводу речей собравшиеся приступили к банкету. За традиционными тостами-здравицами в честь «партии и правительства», авиации, космонавтики и корифеев, стоявших у их истоков, банкет стал плавно переходить в фуршет. Гости произвольно разбредались по залу – затевали перекуры-разговоры, обменивались новостями и визитками, вспоминали былое.

То тут, то там вспыхивали импровизированные междусобойчики с рюмахами и бутербродами, которые разносили на подносах девушки – сотрудницы издательского дома «Авиация и космонавтика» – Лена Истомина и Лена Булыгина, которых в коллективе любовно называли Леной-«Авиацией» и Леной-«Космонавтикой».

...Автор этих строк, гордясь полученной накануне авиационной медалью Кожедуба, поблескивающей на лацкане гражданского пиджака, со съемочной группой в виде опера-

тора, осветителя и звукорежиссера (в перерыве между армейскими и правоохранительными погонами мне пару-тройку лет довелось поработать на телевидении – в редакции утренних программ РТР – М.В.), отсняв «обязательные» кадры речей, массовки-тусовки, приступил к «крупнякам» и «токам», выискивая незанятых разговорами знаменитостей.

Пообщавшись с генералами, многих из которых знал лично еще по работе переводчиком и военкором, взял экспресс-интервью у Савицкой, которая, как всегда, делая упор на своих взглядах, назвала День космонавтики вторым, после Дня Победы, по значимости праздником «всего советского народа», а также, что особо ценно, в контексте грядущего полувекового юбилея Великой Победы разговорил Берегового.

Интервью с Георгием Тимофеевичем – дважды Героем Советского Союза, участником Великой Отечественной войны (первую звезду он получил еще осенью сорок четвертого!), летчиком-испытателем и летчиком-космонавтом – я потом смонтировал отдельно, пристроив в эфир накануне 9 мая.

Помню, прославленный ветеран был очень рад, что дожил до такой значимой, знаковой даты, с гордостью говорил о нашей стране, ее беспримерном подвиге в военные годы, вспоминал боевых товарищей. Никто не догадывался тогда, конечно, что это появление ветерана на телеэкране станет последним – Георгий Тимофеевич Береговой уйдет в Вечность

через месяц с небольшим после 50-летия Победы.

Как всегда, довольно много гостей собралось и вокруг космонавта № 2. Титов, немного раскрасневшийся и разгоряченный разговором, жестикулировал и, время от времени посмеиваясь, что-то эмоционально рассказывал собеседникам. Подошел поближе, прислушался. Речь шла о дне первого запуска человека в космос. Герман Степанович вспоминал, как три пилота, отобранных для полета в Неизведанное: Гагарин – основной, Титов – дублер и Нелюбов – запасной, ехали в автобусе на стартовую площадку. Гагарин и Титов были облачены в защитные скафандры, Нелюбов ехал в обычной летной офицерской форме, но его скафандр тоже был на всякий случай наготове. Из шестерки кандидатов на первый полет такие специальные защитные костюмы по индивидуальным меркам поначалу пошили только для троих.

Гагарин был сосредоточен и внутренне напряжен. Шутка ли – что ждет человека на орбите?! Никто ведь не давал гарантии, что возвращение будет удачным. Чтобы подбодрить Юрия, Титов и Нелюбов начали дуэтом исполнять смягченный хулиганский вариант расхожей тогда песни Фельцмана «Ландыши» с дополнительным припевом, сочиненным Поповичем. (Ты сегодня мне принес не букет из алых роз / А бутылочку «Столичную» / Заберемся в камыши / Надеремся от души / На фуя нам эти ландыши?) Последовал общий смех, и напряжение было снято. Так что на фото в «космическом» автобусе Гагарина мы уже видим улыбающимся.

Кстати, если верить Поповичу, этот же, не совсем цензурный, вариант «Ландышей» он исполнил в тот день и позже – во время сеанса радиосвязи с Гагариным, когда тот уже находился в кабине корабля-спутника «Восток», а у рабочих никак не получалось правильно загерметизировать аппарат. Возникшую паузу также заполнили юмором...

Не знаю, байки это или нет, но истории эти вполне могли иметь место. Вспомним, все космонавты первого набора были ребятами молодыми и задорными, которые, судя хотя бы по опубликованным каманинским дневникам (герой-челюскинец, генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин в те годы руководил отбором и подготовкой космонавтов – в 1960–1966 будучи начальником отдела по подготовке и обеспечению космических полетов Главного штаба ВВС, а в 1966–1971 в качестве помощника Главкома ВВС по космосу), частенько нарушали «режим» – могли и погулять, и выпить, и поозорничать. Ведь Николаеву на 12 апреля 1961 года был 31 год, Поповичу – 30, Гагарину и Нелюбову – по 27 лет, Быковскому – 26, а Титову – вообще только 25. Герман Степанович, кстати, до сих пор числится самым молодым среди покорителей космоса на день запуска!

Народ, услышавший эту историю из уст космонавта № 2, хохотал тогда на приеме, что называется, от души! Я подошел к Титову, протянул визитку, поздравил с наступающим праздником, назвал имя своего отца (в шестидесятые он какое-то время работал в ГНИИИ АиКМ – Государственном

научно-исследовательском испытательном институте авиационной и космической медицины), напомнил, что космонавт был с ним знаком. Герман Степанович покивал головой – то ли и правда припомнил что-то, то ли из вежливости. Мало ли людей в годы титовской славы пронеслось мимо него!

И тут, неожиданно для себя, осмелев, наверное, от принятых на грудь «тостов», я задал покорителю космоса довольно провокационный вопрос. Он почему-то всегда очень волновал меня, увлеченного, как и всё поколение мальчишек шестидесятых: а не обидно ли было быть вторым? Тем более, я знал, как космонавт № 4 Попович не раз в узком кругу рассказывал, де, Титов всю жизнь переживал по этому поводу. А Павел Романович его утешал: «Ты же столько всего добился в жизни – генерал-полковник авиации, какие только высокие посты не занимал, весь мир объездил». На что Герман Степанович резонно замечал: «Павел Романович, ты знаешь, кто открыл Америку?» «Колумб, конечно». «А кто был вторым?» «Не знаю». «Вот то-то и оно!»

Вторая часть моего вопроса была такой: правда ли, что Титова, лучшего, если верить многочисленным источникам, по всем физическим и психологическим показателям-параметрам, среди шестерки кандидатов, отобранных для первого полета, «завернул» сам Хрущев, которому, де, не понравилось «немецкое» имя Титова. («Только победили немцев, и немца запускаем?»)

Спросил заодно и про Нелюбова (его имя еще с перестро-

ечных времен после первого упоминания об этом человеке «космического» журналиста и писателя Ярослава Голованова в публикации о Юрии Гагарине уже было рассекречено), которого якобы «подвела» фамилия («Нелюбов не может быть первым космонавтом, вот, если бы он был Любковым!» – как якобы сказал «кукурузный» Никита.) В принципе, история эта, на мой взгляд, вполне вязалась с волюнтаристским стилем руководства Н.С. Хрущева.

Глаза Германа Степановича блеснули. Он усмехнулся. Не сговариваясь, взяли еще по «полтиннику» из вовремя поднесенного девушками подноса. Выпили. Чем-то закусили.

– Что тут сказать? – произнес, наконец, космонавт № 2. – Действительно, до 10 апреля 1961 года мы все трое ходили в кандидатах на первый полет: каждый надиктовал обращение к советскому народу на магнитофон для радио, написал письмо семье (на всякий случай), каждого сфотографировали на Красной площади. Основным пилотом корабля-спутника (как тогда называли космический корабль) «Восток», в конце концов, утвердили Юру, меня назначили гагаринским дублером, а Нелюбова – запасным.

Конечно, слухи о якобы имевшем место утверждении наших кандидатур у Хрущева доходили до отряда космонавтов и до меня лично. Но ничего определенного про это сказать не могу, не знаю – правда это или нет. Насчет того, что Никите Сергеевичу не понравилось мое «немецкое» имя, разочарую вас – это, наверное, все-таки не более, чем историче-

ский анекдот. Кстати, имя у меня вовсе не «немецкое», назван был в честь пушкинского Германа.

А вообще, положив руку на сердце, скажу: уж, не знаю, кто там по представлению командования ВВС последним утверждал на первый полет Юрия, выбор этот был сделан абсолютно правильно и обоснованно! Показатели показателями, но по всем критериям Юра был лучшим среди нас – всеобщим любимцем, душой всего нашего «космического» коллектива! Опытный пилот, знающий специалист, бесстрашный человек, верный товарищ, добрый друг, умевший дружить, готовый прийти на помощь в трудную минуту. Оптимист и юморист, всегда подбадривавший других.

А улыбка? Вы помните знаменитую гагаринскую улыбку! Конечно, тогда, наверняка, не думали ни о каком возможном «пиаре», даже слова этого еще слыхом не слыхивали, но именно фото улыбающегося Юры покорило весь мир! И показало даже нашим идеологическим противникам, что советский офицер может быть вовсе не каким-то страшилой-громилой, как рисовала образ врага их пропаганда, а красивым, обаятельным и интеллигентным человеком!

С Юрой мы дружили до самого последнего его дня. И сами, и семьями. Нас, кстати, даже прозвали в печати «Звездными братьями». Соперничества между нами точно никогда никакого не было. Здоровая конкуренция – да. И в подготовке, и потом в учебе в академии, но ведь это всё было, как в спорте. Дружбе нашей это не мешало. Что же касается оби-

ды... Нет, обиды точно не было. Если и мелькнула в какой-то момент досада, то очень быстро прошла – ведь и я следом за Юрой совершил полет, и получил, – Герман Степанович рассмеялся, – сполна свою долю славы.

Вот за кого обидно и досадно по-настоящему – так это за Нелюбова, нашего запасного, которого Каманин считал «эталонном космонавта». Он ведь так и не увидел Землю из иллюминатора космического корабля. Гришу подвел характер – нелепо всё получилось.

Титов вздохнул, хотел было еще что-то сказать, но его стали уводить в сторону, к высокому начальству. Да и нам пора было ехать в телецентр, монтировать сюжет о празднике. И перед дружеским пожатием рук он только успел, уже на ходу, бросить: «Позвони мне как-нибудь. Про Гришу стоит поговорить подробнее. Может, потом напишешь о нем».

Но вот же не позвонил! То неотложные дела какие-то отвлекали, то повседневная рутина. А потом и вновь погоня надел – на этот раз правоохранительные. Служба – она и есть служба, когда сам себе особо не принадлежишь, а из выходных, дай Бог, если выпадают пара воскресений в месяц. А потом пришло известие об уходе Германа Степановича, в принципе, еще совсем не старого, полного сил.

Между тем драматическая судьба Григория Нелюбова продолжала волновать меня, равно как и титовский «наказ» написать о нем. Тем более, что с имени второго гагаринского дублера был окончательно снят гриф секретности, о нем ста-

ли появляться упоминания в прессе, интернете. Я даже стал потихоньку собирать такие материалы, никогда, впрочем, не думая, что они могут «перерасти» в статью, брошюру, книгу. Просто потому что было интересно! Видимо, настало время попробовать собрать их вместе и соединить с моими «космическими» набросками разных лет.

Глава II

Детство, отрочество

Крым – Дальний Восток

Сведений о первых годах жизни героя нашего повествования в открытом доступе, прямо скажем, немного. Их нужно вылавливать буквально по крупицам. В сведениях этих немало противоречий, неточностей.

Самое любопытное, что путаница начинается буквально с первого дня появления Григория на свет. Большинство источников приводят датой рождения будущего космонавта-испытателя 31 марта 1934 года. Эта дата выбита и на могиле-кенотафе Нелюбова в г. Запорожье, и на кенотафе в г. Васильевка Запорожской области. Но на основном захоронении – в селе Кремово Михайловского района Приморского края выбита другая дата – 8 апреля 1934 года. (Почему «основном», и вообще об истории могил Нелюбова позже.) Памятник и гравировку на нем делали в девяностые годы (местные энтузиасты собирали буквально с миру по копейке!), когда был утрачен первоначальный монумент, сделанный из самолетной обшивки. Его в лихолетье похитили вандалы – охотники за металлами.

Далее путаница продолжается. В большинстве исследований, особенно у украинских авторов, которые считают

Нелюбова своим земляком и соплеменником, местом рождения Григория фигурирует село Веселое, Веселовского района Запорожской области или даже Мелитополь. Основание? Григорий аж целых семь лет (1947–1954) проживал в городе Запорожье, СССР.

Ну то, что наши «незалежные» соседи автоматически записывают в «своих» всех более или менее известных людей чисто по географическому признаку или по происхождению предков – не ново. В украинских справочниках и интернет-пабликах, к примеру, в украинцах ходят художники Малевич, Репин, Айвазовский, композитор Чайковский, писатель Достоевский, академик Вернадский, хирург Амосов. Особо посмеялся бы своему «украинству» русский, а затем американский авиаконструктор И.И. Сикорский (родился в Киеве, какие еще могут быть вопросы?). Почему? Да потому что создатель самолета «Илья Муромец» (былинного героя, впрочем, тоже записали в «щирые», найдя ему Муром не во Владимирских, а в Черниговских землях) Игорь Иванович, был истовым русским националистом, ярым монархистом. В эмиграции мечтал о возрождении Российской империи, состоял в Российской политическом совете, Пушкинском обществе и Толстовской фонде.

Но на «свидомых», как известно, никакие аргументы, факты и доводы не действуют. Тем более, что и самого отца пилотируемой космонавтики С.П. Королева тоже давно записали в украинцы. Неважно, что в его семье говорили

по-русски, и он всегда идентифицировал себя как русско-го. Родился-то ведь в Житомире, а в анкете во время украинизации из опаски быть не принятым в Киевский университет, написал-таки себя малороссом! «Какие вам еще вам нужны доказательства?» – как восклицал один киношный персонаж. Да что там Королев, даже калужский мечтатель о межпланетных полетах Циолковский «украинец»! Как так? А корни-то у него с Волыни! И не переубедить «свидомых», что по отцу они у Константина Эдуардовича польские, а по матери татарские.

Такая же ситуация, получается и с Г.Г. Нелюбовым. Хотя на самом деле он родился в Крыму, в Евпаторийском (ныне Сакском) районе, в селе Порфирьевка. И именно там провел первые пять лет своей жизни. Ага! Скажет кто-то! Ну вот видите, Крым, а он, мол, в те годы был украинским. А вот и нет! Полуостров тогдашний советский лидер Хрущев передал в состав УССР только в 1954 году – в качестве «подарка» к 300-летию «Воссоединения Украины с Россией», а в 1934 он был Крымской АССР, частью РСФСР.

Почему же возникла путаница? Все просто – крымская Порфирьевка сегодня входит в Веселовское сельское поселение. Село Веселовка, где издавна находился фельдшерско-акушерский пункт, всего в полукилометре от Порфирьевки. Впрочем, Веселовкой оно стало называться только в 1948 году, а до этого было известно под крымско-татарским названием Отар (Отары). Неразбериху добавляет и запорож-

ское село Веселое (ныне поселок), где в 1911 году родился, отец будущего космонавта-испытателя – Григорий Макарович. Тогда село это входило в Гуляйпольскую волость Александровского уезда Екатеринославской губернии. Спешу, кстати, разочаровать сторонников «украинства» Нелюбова – его отец (в 1934-1947 гг. профессиональный военный) во всех анкетах, хранящихся в архивах Минобороны, писал себя русским.

Авторитетный международный сайт familo.org утверждает, что фамилия «Нелюбов» происходит от мирского имени «Нелюб». Скорее всего, оно относилось к категории т. н. «охранных» имен, со значением, прямо противоположным реальному. Родители так могли называть долгожданного, любимого ребенка, дабы запутать злые силы, и тем самым уберечь его от бед. Фамилия эта в настоящее время наиболее распространена в России, преимущественно в совр. Воронежской и Липецкой областях. Носители этой фамилии также проживают в Беларуси и на Украине.

Фамилия известна с XVI века. В документах 1530 года упоминается некий кашинский крестьянин Новик Нелюбов. Из источника 1565 года известно, что в Казани жил некто Непогода Нелюбов. В 1573 году упоминается опричник царя Ивана Грозного Григорий Васильевич Нелюбов. В XVIII веке носители этой фамилии были среди представителей русской служилого дворянства. В XIX веке фамилия была распространена в Курской, Пензенской и, внимание, Екатери-

нославской (откуда и родом отец Григория – Григорий Макарович) губерниях Российской империи.

К этому маленькому экскурсу в историю остается только добавить, что русской, хотя ее фамилия и оканчивалась на южнорусский или малороссийский манер на «о» – Нежурко, всегда писала и мама героя нашего повествования – Дарья Лаврентьевна, уроженка уже упомянутой Порфирьевки. Село это было основано, видимо, в 1900-е гг., поскольку в Памятной книжке Таврической губернии за 1902 год оно еще не значится, а по Статистическому справочнику Таврической губернии 1915 года в селе Порфирьевка Донузлавской волости Евпаторийского уезда числилось 4 двора с «приписным» населением в количестве 25 человек и «посторонним» в количестве 42 человека. Из которых 41 мужчина и 26 женщин. Сейчас, конечно, подтвердить или опровергнуть это невозможно, но все записаны русскими. В общем, с «украинством» Г.Г. Нелюбова, пожалуй, разобрались.

Теперь коснемся его социального происхождения. В какой-то украиноязычной заметке прочел, что родители Григория, де, «были колхозниками». Усомнился. Ведь в Порфирьевке колхоза в 1930-е годы не было. В селе, ставшим центром сельсовета, действовала некая артель имени Буденного и «коммунальное агентство» (в переводе на современный – что-то вроде «управляющая компания в сфере ЖКХ»). Работала ли в артели Дарья Лаврентьевна? Может быть. Потом, выйдя замуж, во всех анкетах она уже писала себя «домохо-

зайкой».

Не нашел данных, как, когда и почему уроженец Екатеринославской губернии Нелюбов-старший попал в бывшую Та-врическую губернию, а именно в город Евпаторию. Домысливать не буду. Но колхозов и там не было. Тем более, достоверно известно, что вскоре после рождения сына Григорий Макарович был призван Евпаторийским военкоматом в ряды РККА.

Кем только горе-«исследователи» не называют Нелюбова-старшего! И «комиссаром», и «НКВДшником», и «капитаном НКВД», и даже «пограничником». А вот же и нет! Все годы службы он числился в кадрах Красной (с февраля 1946 г. – Советской) Армии! Как явствует из архивов, Григорий Макарович начинал службу в 40-м Отдельном батальоне связи 3-й Крымской стрелковой дивизии имени ЦИК Крымской АССР. Ее задачей было охрана южных морских рубежей и территории полуострова. После разделения в 1935 году УкрВО, дивизия вошла в состав Харьковского военного округа. В то время она формировалась по смешанному кадрово-территориальному принципу. Часть красноармейцев и командиров были кадровым составом, часть – переменным. Нелюбов-старший одновременно со службой учится в окружном военно-политическом училище, и в 1938 году ему присваивают первое офицерское звание для политсостава – «младший политрук», что соответствовало по тогдашней табели о рангах званию общевойскового «лейтенанта».

После заключения в августе 1939 года Пакта о ненападении с Германией и сентябрьского Польского похода Красной Армии, передвинувшей границы страны далеко на Запад, в наркомате обороны, очевидно, посчитали, что на данный момент западные рубежи укреплены, а усиления требуют рубежи восточные. Тем более, что, как мы помним из истории, в сентябре только-только закончилась очередная военная конфронтация с милитаристской Японией, известная под названием «бои на Халхин-Голе». Поэтому в ноябре 1939 года 3-ю Крымскую стрелковую дивизию перебрасывают на Дальний Восток. Естественно, едет туда же в составе своего подразделения и молодой политработник, и вскоре перевозит к себе свою семью.

Некоторые запорожские изыскатели «украинского космоса» называют местом несения службы Григория Макаровича Биробиджан и Сахалин, и даже Халхин-Гол. Что до последнего, тут всё ясно – бои к тому времени в Монголии закончились, Нелюбов-старший отдельно от своей дивизии на Дальнем Востоке оказаться не мог. Что до Биробиджана и Сахалина, то в архивах тоже не нашел тому свидетельств. Однако достоверно точно известно, что 3-я Крымская стрелковая дивизия была передислоцирована в Амурскую область. Ее штаб расположился сначала в поселке Свободном, затем в городе Благовещенске. Так что, с большой долей вероятности, и 40-й Отдельный батальон связи дислоцировался в том регионе. Биробиджан еще может быть, 500 км от Бла-

говещенска. Сахалин (он тогда был разделен на Северный – наш, и Южный – японский) – сомнительно. Вряд ли батальон связи стали бы перебрасывать за тысячи километров от дивизионного командования – всё-таки подразделение-то не окружного подчинения!

После начала Великой Отечественной войны и формирования новых частей Красной Армии в связи с новыми задачами по укреплению обороноспособности страны на дальневосточных рубежах Григорий Макарович получает назначение – в 10-ю Воздушную армию. Местом несения службы Нелюбова-старшего даже такое авторитетное издание, как электронная космическая энциклопедия austranaut.ru, записывая старшего Нелюбова в «пограничники», ошибочно называет некий «мыс Кесьет». На самом деле тут вкралась ошибка по созвучию. Ибо получил он назначение, действительно, на границу, на крайний юг Дальнего Востока, но в бухту-порт Посьет (есть там у полуострова и мыс), где строится укрепрайон на границе (от Посьета до границы, до озера Хасан и реки Туманной-Туманган близ ее впадения в Японское море, где «решили самураи перейти границу у реки», по дороге 58 км, а по прямой и того меньше – М.В.) и организовывается Головной авиационный склад (ГАС) № 1932, где стал нести службу Г.М. Нелюбов.

Если в период службы отца в Амурской области Гриша был еще слишком мал, то Посьет он уже должен был помнить хорошо. Ко времени перевода старшего Нелюбова на юг

Дальнего Востока Нелюбов-младший достиг школьного возраста, и его первые осознанные воспоминания должны быть связаны именно с этим местом.

Посъет... Наша пограничная твердыня на Дальнем Востоке, куда волею судьбы и армейского командования попала семья Нелюбовых, не самое «туристическое» место на планете. Как тут шутят, хоть и широта крымская, да долгота колымская! Из достопримечательностей разве что маяк, старинные форты, гроты. В окрестностях – кедровые леса с редкими видами флоры и фауны.

А климат тут, прямо скажем, «на любителя» – муссонный. Зима – достаточно морозная, ибо дуют ветры с материка, принося холодные воздушные массы. Зато почти всегда ясно. Открываются живописные дали... А весной и в первую половину лета, которое наступает тут где-то в конце июня, с моря ползут туманы, хлещут дожди. Свинцовые тучи почти постоянно готовы разразиться новой порцией небесной воды. Туман медленно затягивает окрестности, из поля зрения исчезают все дали и красоты, даже мыс и соседние сопки, поросшие лесом, скрываются в серой дымке. Во второй половине лета – повеселее: облачность становится переменная, но жара набирает обороты, становится душно, и даже мощные ливни не могут приглушить духоту. Зато купаться одно удовольствие – вода теплее, чем в Крыму и в Сочи! Лето и купальный сезон длятся аж до конца сентября. Осень короткая и сухая. Вновь открываются морские дали и природные

красоты. А с ноября уже зима.

Мы, конечно, не может утверждать точно, но маленький Гриша наверняка читал книгу очерков И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» – путевые заметки, написанные Иваном Александровичем во время экспедиции на военном парусном корабле в 1850-е годы. Ведь это во время плавания «Паллады» была открыта и описана здешняя гавань! А свое наименование основанный здесь в 1860 году военно-морской порт получил в честь русского мореплавателя адмирала Константина Николаевича Посъета, который служил на знаменитом фрегате. (Якорь с «Паллады», к слову, и сегодня можно видеть на монументе в центре поселка.)

Посъетскую гавань генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский назвал «одной из лучших в свете». Немало обрадовала губернатора и адмиралтейство также находка рядом с гаванью месторождения каменного угля, который был необходим сменившим парусники парходам. Посъет вскоре увидел даже царственную особу – именно отсюда, из местного порта в 1891 году отправился в свое путешествие по Японии наследник престола, будущий император Всероссийский Николай II.

В Гражданскую Посъет и окрестности был оккупирован японцами. Затем, уже при советской власти, тут были построена пристань, рыбный комбинат, из Владивостока проведена железнодорожная ветка от Транссиба. Несколько раз в отечественной истории Посъет становился прифронтовой

зоной. Сначала в Русско-Японскую войну. Затем во время уже упомянутого советско-японского вооруженного конфликта у озера Хасан (в поселке, где размещался штаб операции, установлен памятник в «Героям Хасана» в виде танка на постаменте) и во время Маньчжурской операции 1945 года. Да собственно, с 1938 года Посъет, как и все дальневосточные рубежи, находился в состоянии повышенной боевой готовности, фактически на военном положении. Ибо т. н. «Маньжоу-Го» была оккупирована японцами, которые развернули там свою миллионную Квантунскую армию, в любой момент готовую напасть на СССР при благоприятной внешнеполитической конъюнктуре. Не говоря уже про почти постоянные вооруженные провокации, нарушения границы и перестрелки.

В Посъете со времен боев на Хасане был развернут госпиталь, действовала база снабжения армии. Сформировали и Посъетский (потом Хасанский) пограничный отряд, в ведении которого входила охрана госграницы всего района и юго-западного сектора Приморья. Во время Великой Отечественной войны хорошо защищенную бухту Тихоокеанский флот использовал для укрытия и стоянки дивизиона морских охотников.

Наверное, каждый, более или менее разбирающийся в истории, скажет, что морские конвои союзников шли в Советский Союз по арктическому маршруту – в порты Мурманска, Северодвинска (в те годы – Молотовск) и Архангельска.

Более продвинутые также скажут, что был еще и тихоокеанский маршрут. Американцы загружались в Калифорнии и на Аляске и шли во Владивосток, Советскую Гавань и Петропавловск-Камчатский. И лишь единицы скажут, что суда союзников также прибывали в Посьет! А ведь через фактически незамерзающий посъетский порт прошли миллионы и миллионы тонн военных грузов по ленд-лизу.

К слову, до декабря 1941 года этот маршрут считался безопасным, но после Перл-Харбра японцы начали блокировать проливы, и, несмотря на то, что суда шли под советским флагом (а между Японией и СССР действовал пакт о нейтралитете), стали досматривать их, задерживать, конфисковывать и даже топить! По крайней мере, 23 судна из тихоокеанских морских конвоев были самураями потоплены, 5 конфисковано, и до 170 единиц в год задержаны.

А теперь, как говорится, «внимание зала»! Отец будущего космонавта-испытателя Григорий Нелюбов-старший имел непосредственное отношение к приему ленд-лизовских грузов «авиационной» направленности, ибо, как следует, из архивных данных ГАС № 1932 относился к 87 РАБ 10 ВА 2 ДВФ. Склад – понятно, остальное расшифруем: 87-й Район Авиационного Базирования 10-й Воздушной Армии 2-го Дальневосточного Фронта! То есть с 1943 года, когда в Красной Армии была введена новая и единая система воинских званий, он, оставаясь политическим работником, носит не какие-нибудь, а голубые авиационные погоны и петлицы с

крылышками! Неважно, что он не в летном составе, а в политическом. Получается, что и отец, и сын Нелюбовы были в одном звании – «капитана»! Так что дорога в небо, выражаясь штампами, была предопределена для юного Гриши с самых ранних лет. Вокруг себя он видел людей в летной форме, слышал соответствующие разговоры.

Григорий Макарович служил заместителем командира по политической части упомянутого воинского склада № 1932. Кто-то скажет, подумаешь! Тоже мне должность, тоже мне «вояка». В окопах же не был, вшей не кормил, за штурвалами самолетов не сидел, в небо их не поднимал, не штурман, не техник. Дилетантские суждения! Ну, во-первых, в армейском хозяйстве второсортных задач, как и второсортных должностей и специальностей не бывает. Нормальное, бесперебойное снабжение войск всем необходимым – залог действенного выполнения боевых задач. А во-вторых, как, извините, говорят, в среде людей «подпогонных», «кто на что учился».

В те годы замполит, как и впоследствии офицер-пропагандист, важная и уважаемая, и вполне себе боевая единица! Кто как ни политработники грамотно подобранным словом, делом, а подчас и личным примером вдохновляли бойцов на ратные подвиги? А если им случалось служить на передовой, то именно политруки первыми поднимались в атаку А в случае выбытия из строя командира брали на себя командование подразделением. Впрочем, и в непосредственной близости

сти от фронта и даже в тылу у политработников задач хватало.

Неспроста, наверное, что, помимо медалей «За победу над Германией» и «За победу над Японией», у Григория Нелюбова-старшего имеются и две самые «солдатские» медали – «За боевые заслуги», одна от 30.04.1945 года, другая – от 25.08.1945 года. Можно предположить, что первая «ЗБЗ», как ее традиционно называли в войсках, получена Григорием Макаровичем по совокупности добросовестного выполнения боевых задач во время Великой Отечественной войны. А какие задачи были возложены в военные годы на войска, дислоцированные на Дальнем Востоке? Обеспечение безопасности наших восточных рубежей, строительство и обеспечение всем необходимым укрепрайонов вдоль линии границы.

Что касается второй награды, то на сайте «Память народа» выложен сохранившийся наградной лист! В нем, в частности, читаем: «В дни войны с Японией хорошо организовал парт— политработу склада, лично мобилизовал рядовой и офицерский личный состав на отличное обеспечение авиационных полков необходимым имуществом. Склад находился в непосредственной близости от района военных действий. Начальник политотдела 10-й Воздушной Армии полковник Дятлов».

Какие еще впечатления мог получить Гриша-подросток на самых дальних наших рубежах в то время? После окончания

войны с Японией в окрестностях Посъета было организовано несколько лагерей для японских военнопленных. Пленники трудились на лесозаготовках, на сельхозработах, ремонте и строительстве различных зданий. Помните, как у Высоцкого? «На стройке немцы пленные на хлеб меняли ножики». Ну если уж с бывшими фашистами местные жители, среди которых было немало пацанов, устанавливали контакты, то с японцами дело обстояло еще проще. Наши не видели в них заклятых врагов, оккупантов, поскольку те не воевали на советской территории, никаких зверств в отношении мирных граждан не творили. Поэтому к японцам добрые и сердечные русские люди ненависти не испытывали. Наоборот, полные душевной щедрости относились к ним с сочувствием, жалели их. Японцы были вежливыми, воспитанными, доброжелательными и трудолюбивыми. В лагерях силами японских офицеров поддерживалась строгая дисциплина. На работы они следовали самостоятельно (по самурайской этике, раз попал в плен, то должен повиноваться и не пытаться бежать) колоннами в сопровождении одного-двух советских солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.